

Лит Рес:

АЛЪБИНА НУРИ

Узел смерти

Альбина Нури
Узел смерти
Серия «ЛитРес: Детектив»
Серия «Тайны уездного
города», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59966778

Узел смерти:

Аннотация

Тихая улица провинциального города скрывает зловещую тайну. На протяжении тридцати лет происходят здесь необъяснимые самоубийства молодых мужчин, убивающих себя изощренными, крайне жестокими способами. Когда в руки Михаила – вчерашнего студента-юриста, попадает информация, что страшные смерти связаны между собой, он отказывается в это верить, да и версия о том, что жизни у людей отнимает некая потусторонняя сущность, кажется ему нелепой. Однако Миша против воли оказывается втянутым в череду жутких событий, и ему придется отбросить неверие и проявить все свое мужество, чтобы выжить самому и спасти от гибели своих близких. Роман «Узел смерти» открывает цикл мистических триллеров «Тайны уездного города».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	43
Глава шестая	53
Глава седьмая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Альбина Нури

Узел смерти

...Каждая могила – край земли.

Иосиф Бродский

Боюсь не смерти я. О, нет!

Боюсь исчезнуть совершенно.

Михаил Лермонтов

Глава первая

После Происшествия она сильно изменилась. Настолько, что почти перестала быть похожей на саму себя.

Если честно, Тася всегда казалась людям странной, об этом все кругом талдычили, сколько он себя помнил. Но сам Чак не видел в ней ничего необычного – ну, может, самую чуточку.

Да, она не любила того, что обожали другие дети: качаться на качелях, торчать часами напролет во дворе, играть в догонялки, жмурки и «сифу». Тася часами просиживала за столом: собирала мозаику, рисовала, а когда научилась писать и читать – писала стихи и читала приключенческие романы. Когда ее сверстники доросли до первых влюбленностей и свиданий, Тася оставалась прежней – увлеченной героями давно минувших эпох, ямбами, хорейми и прочей чепухой.

Да, была задумчива и молчалива, а если говорила, то часто невпопад: смотрела затуманенным взглядом и улыбалась чему-то своему блуждающей, зыбкой, как болотный огонек, улыбкой. Но Чак-то знал, отчего все это: просто Тася вечно мечтала о дальних берегах, и в голове ее крутились стихотворные строчки, которые она хотела хорошенько запомнить, чтобы потом перенести на бумагу.

Да, она любила синий – и любовь эта проявлялась черес-

чур активно. Тася с малолетства отказывалась носить вещи других цветов, чем выводила из себя мать, которой приходилось выискивать по магазинам или шить синие пальто, шапки, платья, колготы, юбки, футболки, брюки, майки. Исключение Тася соглашалась сделать только для обуви, и то изредка, зато школьный ранец, пенал или покрывало на кровати были насыщенного лазоревого оттенка.

Как-то Чак спросил сестру, почему именно синий, а, например, не зеленый или красный, и она ответила вполне в своем духе:

– Потому что васильки – синие, Тотоша! – На всем белом свете только ей одной время от времени позволялось называть его так. – Они же самые лучшие, милые, и – васильковые!

Как хочешь, так и понимай. Для самой Таси это было исчерпывающим объяснением, а другим, в принципе, она ничего и не должна была объяснять.

Над ней посмеивались и, бывало, обижали, дразнили «синькой», но это только если Чак не слышал. Он всегда готов был броситься в бой, вступить за сестру, ввязывался в любую драку, защищая ее, даже если не было никаких шансов на победу, а его соперники были крупнее и сильнее. Уже к пятому классу все окрестные хулиганы оставили Тасю в покое: то ли привыкли и устали смеяться над ней, то ли не хотели связываться с ее бешеным младшим братом.

Она была старше Чака на два года, но он всегда считал се-

бя более взрослым, умудренным, зрелым. Что спорить: в глазах окружающих Тася, конечно, была чудаковатой. Но теперь сестра стала не просто странной – она сделалась...

Нет, нельзя так. Что он – идиот, чтобы бояться собственной сестры? Да и потом, Чак вообще никогда ничего не боялся и даже прозвище свое (которым втайне очень гордился) от мальчишек во дворе получил в честь знаменитого Чака Норриса, потому что был боевой, безбашенный и бесстрашный.

А толку-то от всего этого... Какой бы он ни был, как бы сильно они с матерью ни опекали Тасю, Происшествие все равно случилось.

Об этом полагалось говорить только так, не подбирая другого названия. Мать впервые произнесла это слово, потому что не могла выговорить вслух, что произошло с ее дочерью, и с тех пор они, если и возвращались к этой теме, именовали случившееся в феврале только так – Происшествие.

Мать, кажется, до сих пор не верила, что все это действительно свалилось на их семью, хотя прошло уже больше двух месяцев, и Тасю выписали из клиники.

Утром, через три дня после возвращения сестры, Чак вышел на кухню и увидел, что мать стоит возле окна и курит в форточку.

– А как же «курить – здоровью вредить»? – спросил Чак, открывая холодильник. Хотелось холодного молока. – Миндздрав предупреждает.

– В стакан налей, нечего из горла тянуть, – привычно проговорила мать, явно думая о другом.

Чак послушно налил молока в стакан, стоявший возле раковины.

– Ты же вроде бросать собиралась.

– Собиралась, да вот... – Мать обернулась к нему, и Чак увидел, что глаза у нее красные, воспаленные. Ясно, опять не спала, плакала. – Бросишь тут.

– Мам... – начал было Чак, но мать махнула рукой.

– Она злится на меня. Мне кажется, она меня... ненавидит. Да, ненавидит. – Мать отошла от окна, раздавила бычок о блюдце и выбросила в мусорное ведро. – Я понимаю, есть за что! Да если бы я только... – На глаза опять набежали слезы, и она сердито смахнула их. – Чтоб они провалились, сволочи эти! Собственными руками удавила бы!

Зачем мать заговорила об этом? Невыносимо, невозможно! Чак с матерью всегда были, если можно так выразиться, в молчаливом сговоре: защищали хрупкую, неприспособленную, беспомощную, не разбирающуюся в людях Тасю от всех опасностей, которые вставали на ее пути. От самой жизни.

Но жизнь – грубая, жестокая, несправедливая – мощным потоком сорвала ворота с петель, сломала казавшийся надежным заслон и ворвалась в стеклянный игрушечный мир Таси, растоптав его, оставив лежать в руинах.

Чак думал, что это его вина, целиком и полностью.

А мать думала, что ее.

И пусть следователь с первого дня говорил, что ни в чем они не провинились, а те, кому положено, за все ответят, это ничего не меняло.

– Я с вечера борщ сварила, большую кастрюлю, – мать прижала руку к горлу, как будто хотела задушить сама себя, – а сейчас вот пришла, смотрю – там мусор.

– Что? – опешил Чак.

Холодное молоко, которое он очень любил, вдруг показалось прокисшим, и его едва не стошнило.

– Помнишь, мы уже ложиться собрались, а она ни с того ни с сего взялась пол мести? Я еще ей говорю: «Ты чего это на ночь глядя?» Так она, оказывается, все, что намела, по всей квартире, взяла и высыпала в кастрюлю!

– Зачем? – только и смог выговорить Чак, хотя понимал, что мать не знает ответа, как не знал его и он сам.

Это было неделю назад, и с той поры странностей становилось все больше. Они росли, росли, как снежный ком, который катают дети, чтобы поставить в основание снеговика, и стали такими огромными, что грозили придавить Чака с матерью.

Однажды вечером они вернулись домой – Чак после тренировки, мать с работы – и обнаружили, что все зеркала в доме перебиты. И не только зеркала, но и дверцы книжного шкафа тоже оказались расколоты на мелкие кусочки. Тася собрала осколки в кучу, и теперь сидела возле груды стекла, погрузив туда обе руки, не обращая внимания на кровь, иду-

щую из порезов, смотрела в потолок, как будто видела там кого-то, и улыбалась.

Когда мать заикнулась о том, чтобы купить новое зеркало и починить шкаф, Тася сказала, глядя сквозь нее:

– Не вздумай. Не хочешь битое стекло грызть? Тогда не смей.

Она перестала есть рыбу и овощи – только мясо и сладкое, в чудовищных количествах и невероятных сочетаниях: вафли с салом, мармелад с котлетами. В некоторые дни ела много, неопратно, не замечая перепачканных рук и чумазого лица. А иногда наотрез отказывалась от пищи, выплевывала прямо на пол то, чем мать пыталась накормить ее.

По вечерам сестра часами стояла возле окна, глядя в одну точку. Как-то раз Чак подошел к ней и взял за руку. Ладонь была холодная и скользкая, как кусок подтаявшего льда. Стоял по-летнему знойный май, в комнате было жарко, и Чак от неожиданности отдернул руку. Тася повернула к нему голову и проговорила:

– Студёно? А я теперь и внутри вся такая! Корки льда на кишках, по жилам холодная кровь бежит!

И принялась смеяться. Смотрела на него и хохотала, а глаза при этом блестели от злости и непролитых слез. Чак не выдержал и выбежал из комнаты.

Тася больше не читала книг, не рисовала и не писала стихов. В этом году сестра должна была окончить первый курс – она училась в университете, на историческом факультете, но

об учебе и речи не шло, поэтому пришлось оформить академический отпуск. Врачи сказали матери, что через какое-то время Тася, возможно, сможет вернуться в университет, но никто не брался прогнозировать, когда это будет.

— Они говорят, ее умственные способности не пострадали, но пока неясно, сможет ли она усваивать что-то. А главное, захочет ли. — Мать кусала губы, голос ее дрожал. — Конечно, это совсем не важно. Учеба не главное. Лишь бы она выздоровела.

Только сестре становилось хуже. Физически Тася оправилась, но вот душевное здоровье... Ее выписали из психиатрической клиники: мать настаивала на этом, да и доктора считали, что патологий нет, а домашняя обстановка поспособствует выздоровлению. Но Чак, стыдясь своих мыслей, думал, что лучше бы Тася оставалась в больнице.

Днем Чак был в школе, дважды в неделю ходил на тренировки — три года назад он увлекся боксом. Возвращался домой (хотя идти туда хотелось с каждым днем все меньше) после обеда, и до прихода матери они с Тасей были в квартире одни.

Несмотря на все ее выходки, непонятные слова и фразы, которые сестра теперь произносила не так, как раньше, а то нараспев, то отрывисто, будто не говорила, а лаяла, днем Чак ее почти не боялся. Рядом с Тасей было неловко, он находился в постоянном напряжении, но страха не было.

Чак сознавал, что сестра больна — но это все же она: в веч-

ных своих синих нарядах, с веснушками на носу и бледно-голубыми, чуть навывкате, большими глазами. Чаще всего Тася сидела в своей комнате: тихая, бледная, похожая на сонную рыбину. Она и по квартире передвигалась, будто плавала в аквариуме – неспешно, плавно, то и дело замирая на месте, словно проваливаясь куда-то.

А вот ночью все выглядело другим.

Ночью Тася становилась опасной. По-настоящему опасной.

Мать работала старшей медсестрой в больнице, и периодически ей выпадали ночные дежурства. Тогда Чак оставался с Тасей наедине, и даже самому себе не мог признаться, до чего его стали пугать эти ночи. Когда они ночевали втроем, Чаку тоже бывало жутковато, но все же рядом была мать. А вот когда она уходила...

Тогда Чаку казалось, что кроме него людей в их тесной квартирке-хрущевке нет. Потому что Тася, его любимая сестра, милая и нежная, как ребенок, по какой-то причине перестала быть человеком, превратившись в жуткое существо, мотивы и поступки которого невозможно предугадать.

Глава вторая

– Как хозяйева себя ведут! Не пройдешь мимо них – обку-
рят, обматерят!

Голос женщины, мелодичностью напоминающий визг
дрели, все повышался и повышался, ввинчиваясь в мозг, и
Михаилу казалось, что его голова вот-вот лопнет как пере-
спелый арбуз. В последние дни стояла жара под тридцать
градусов, и, кажется, даже растущий на узком подоконнике
кактус, колючий сын пустыни, страдал от зноя. Открытое ок-
но не спасало от духоты, вентилятор молотил вхолостую, го-
ня по комнате горячий воздух.

– Вы когда шевелиться будете, я вас спрашиваю? Когда
они меня убьют?

«Они-то вряд ли решатся, а вот я уже почти готов!» – по-
думал Миша, а вслух затянул привычно-монотонное:

– Ваше заявление я принял, мы рассмотрим, примем ме-
ры. По указанному адресу...

– Миллион раз уже принимали! А они все равно каждый
вечер нажрут и гогочут до ночи! Целая толпа – всю лест-
ницу заплевали! А я вам говорила, что презерватив на под-
оконнике нашла?

– Говорили. Я даже записал.

«Господи, да иди уже, провались к чертям собачьим!»

– Вот и хорошо, что записали! Когда придете? Сегодня?

– Сегодня приемный день.

– И что?

– Вы же пришли. Я вас принял. И другие придут.

– Тогда завтра?

– В пятницу. Не раньше.

– Но в пятницу точно придете?

– Точно, – обреченно сказал Миша, зная, что она не отвяжется.

Голикова, полная одышливая дама с мясистым носом и короткими волосами модного некогда оттенка «баклажан», была одной из тех, кого они с Ласточкиным называли «ходоками».

Чаще всего ходоки были одинокими пожилыми людьми и, то ли от переизбытка свободного времени, то ли в силу природной склонности, мотались к участковым по поводу и без, выносили мозг всякой ерундой, скандалили, грозили пожаловаться начальству.

Миша работал здесь четвертый месяц, но Голикова уже успела достать его до печенок. То ей мешали соседи сверху, то снизу, то кто-то сорвал тощие нарциссы, которые она посадила во дворе, а теперь вот ее беспокоили наглые подростки.

Перерывов Голикова не делала, являлась практически ежедневно, и единственный случай, когда, по словам Ласточкина, от нее удалось избавиться на целых полтора месяца, пришлось на операцию по удалению желчного пузыря:

Голикова сначала долго лежала в больнице, а потом отправилась в санаторий.

– Хорошо, – удовлетворенно ответила женщина, поднимаясь со стула. – Потому что если вы не придете, я буду...

– Знаю, что будете, – поморщился Миша. – Я приду.

Голикова победно вскинула голову и выплыла из кабинета, огромная и грозная, как нефтяной танкер.

Миша бросил взгляд на часы. Еще немного – и можно ехать домой. Оставалось надеяться, что больше никого из ходоков сегодня не принесет, а с остальными он как-нибудь разберется.

Кабинет, который они делили с Ласточкиным, находился на первом этаже девятиэтажки-малосемейки, с торца дома, и был переделан из однокомнатной квартиры. Здесь было тесно – два стола, четыре стула, диван и несколько шкафов с документами, но идеально чисто, потому что Ласточкин был повернут на порядке и аккуратности. Граждан они принимали три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам, по два часа, и в эти часы желающие топтались на улице.

Сейчас под окном жужжали голоса, и это означало, что страждущих немало. Михаил вздохнул и пригласил войти следующего.

До конца приема оставалось пятнадцать минут, разговоры под окном стихли: поток посетителей иссяк. Миша воспрял духом, предвкушая, что скоро рабочий день закончится, можно будет вырваться из этой душегубки и пойти с

Ильей пить пиво, как и договаривались.

Он уже собрался было подняться из-за стола, как раздался осторожный стук в дверь.

«Кого еще принесло?» – раздраженно подумал Миша и отрывисто произнес, с трудом скрывая недовольство:

– Да! Войдите.

Посетитель немедленно протиснулся в дверь: бочком, как краб, приоткрыв ее на несколько сантиметров и придерживая одной рукой. Второй он прижимал к себе толстую серую папку с завязками. Это был длинный, как шланг, худой, совершенно седой мужчина лет пятидесяти, одетый в вытертые (не по моде, а от долгого ношения) джинсы, зеленую рубашку с коротким рукавом и коричневые сандалии.

Войдя, он не сделал попытки пройти к столу и застыл у входа, удивленно разглядывая Михаила.

– Добрый день, – поздоровался он глуховатым, прокуренным голосом. – Простите, а где капитан Ласточкин?

– Сегодня я веду прием, – ответил Миша, изо всех сил стараясь держаться солидно и строго.

– А Ласточкин где? Уволился? – продолжал настаивать мужчина.

– Почему сразу уволился? Мы теперь вместе работаем. Помощник участкового уполномоченного лейтенант Матвеев, – представился Миша. – Так вы по какому вопросу? Или вам именно Ласточкин нужен?

На лице посетителя отразилась внутренняя борьба. Он ко-

лебался, не зная, как поступить, и переминался с ноги на ногу, прижимая к себе папку. Миша с надеждой подумал было, что в итоге седовласый развернется и уйдет, но тот, внезапно решившись, быстро пересек кабинет и подошел к столу Михаила.

– С какой-то стороны так даже лучше, – пробормотал посетитель, усаживаясь на стул. – Ласточкину я уже сто раз говорил, но он не воспринял. Он, по-моему, мои слова вообще всерьез воспринимать отказывается. А вы – молодой человек, у вас должен быть свежий взгляд.

«Ходок, – с тоской понял Миша. – Угораздило же, сразу два психа за один прием!»

– Как вас зовут? Где проживаете?

– Да-да, конечно! – Мужчина засуетился, полез в карман рубашки, достал паспорт и протянул Мише. – Мы же еще с вами не знакомы. Белкин Анатолий Петрович.

Михаил пролистал паспорт, взглянул на регистрацию, переписал данные в журнал для записи обращений граждан. Белкин терпеливо ждал.

– Так что у вас случилось, Анатолий Петрович? – спросил Миша, возвращая документ посетителю.

– Я хочу сообщить о преступлении. Даже не об одном. О многих преступлениях. Точнее, об убийствах. У меня есть доказательства. – Выговорив это, Белкин поглядел на Мишу, ожидая реакции.

Только как Миша мог отреагировать? Конечно, был обес-

куражен, потому что приготовился к тому, что в папке с тетрадками покоится подробное досье на соседей, какие-нибудь квитанции, справки, свидетельства того, что Ивановы с третьего этажа постоянно заливают, а платить отказываются, а сын Сидоровых курит и бросает бычки под дверь, грозя устроить пожар. Обстоятельства могли немного отличаться, но именно таковы были излюбленные жалобы прохожих.

Но настоящее преступление! Да еще и убийства!

«Чувак, да ты, похоже, отбитый на всю башку», – подумал Миша и, видимо, это отразилось на его лице, потому что Белкин слегка покраснел и быстро проговорил:

– Знаю, вы думаете, я сумасшедший. Но поверьте... – Он поерзал на стуле. – Я докажу вам! Сами увидите – это правда.

– Я не думаю, что вы сошли с ума, – вяло возразил Миша. – Может, расскажете уже по порядку, в чем дело?

Белкин потер нос.

– Вы знаете, сколько жителей на улице Октябрьская?

Их с Ласточкиным участок включал три улицы: кроме упомянутой Октябрьской, еще Гагарина и Космонавтов. Михаил знал, что Октябрьская – одна из самых длинных улиц в городе. Это был спальный район, сплошь застроенный пятиэтажными хрущевками и девятиэтажными домами старой постройки. Данные по жителям, конечно, у него были, но точных цифр Миша, понятное дело, не помнил. Белкин, не дожидаясь ответа, выпалил:

– Две тысячи девятьсот шестьдесят восемь человек. Вам

приходилось бывать в Европе? Там есть городки, где население меньше. Вот в этой папке, – он постучал по ней указательным пальцем, – есть все сведения. Фамилии, адреса. Я знаю, кто с кем живет, кто в съемной квартире, кто в своей. Я родился на Октябрьской, почти всю жизнь тут прожил, поэтому мне не сложно было собрать сведения. И следить за изменениями.

– Но зачем вам это? – пораженно спросил Миша. – Вам что, делать нечего?

«Интересно, это вообще законно?» – спросил он себя.

Возможно, полицейский не должен задаваться подобными вопросами: ему полагается наверняка знать, что законно, а что нет, но у Миши были довольно сложные отношения с профессией.

– Я знаю все о людях, которые живут на моей улице. Если быть точным, знаю, как они умирают. Многие, конечно, по естественным причинам: болезни, несчастные случаи, старость. Но есть смерти, которые... – Белкин снова потянулся к своему носу и принялся его тереть. Видимо, от волнения. – Некоторые смерти меня пугают. Никто не обращает внимания, а когда я пытаюсь сказать об этом, да вот хоть капитану Ласточкину, никто не слушает!

– Что в них такого страшного? – скучливо поинтересовался Миша, уверившись, что перед ним городской сумасшедший, и думая, как бы поскорее его сплавить.

– Они нелогичные. Во всем должна быть логика, понима-

ете? Если у пьяницы отказывает печень, это логично. Если человек прыгает по крышам – как это называется?

– Паркур, – подсказал Михаил.

– Вот-вот, то логично, если он однажды сломает руку, ногу или шею. Понимаете, к чему я клоню? Но когда кто-то живет себе и живет обычной жизнью, все у него хорошо и нормально, а потом вдруг раз – и сначала пускает жизнь под откос, разрушает все, что строил, а потом убивает себя, да не просто так, а с вывертом, то никакой логики в этом нет!

Белкин разволновался, румянец ярче проступил на его худом, даже изможденном лице. Краснел он уродливо – пятнами, и то и дело облизывал сухие растрескавшиеся губы.

Миша попытался его успокоить:

– Послушайте, вы же сами сказали, что у людей жизнь под откос шла. Отсюда и самоубийства. Так всегда и бывает: когда что-то идет не так, это и есть причина...

– А женщина? – перебил Белкин. – Почему она всегда появляется?

– Где? Рядом с самоубийцей?

– Да! То есть не совсем. Не в момент смерти, а до того! Как только она появляется, жизнь переворачивается с ног на голову, а потом человек и вовсе умирает. Я вам не сказал? Это происходит только с мужчинами! И не всегда, есть закономерность! Три года все тихо и спокойно, а потом начинается – три смерти подряд за три месяца. И снова тишина. – Белкин побарабанил пальцами по папке. – Видите, все

смерти связаны! Это какой-то узел, и его нужно распутать, потому что иначе мужчины так и будут умирать! Так откуда женщина? Что вы на это скажете? – Тон Белкина был почти агрессивным.

– Шерше ля фам, – пожал плечами Михаил. – Во всех неприятностях всегда замешана женщина. Что тут удивительного? Это как раз подтверждает мои слова.

– А смерти все какие! Это же уму непостижимо! Вот скажите, что люди делают, когда хотят себя убить?

– Вешаются, стреляются, таблетки глотают. Некоторые с крыши прыгают.

– Именно! А тут... Дикие смерти, мучительные. Все данные здесь, в папке! Один себе ножницами горло перерезал. Второй голову о стену расколол – бился, бился, как будто хотел пробиться куда-то. Третий отвертку в горло воткнул и кровью истек, умирал несколько часов. Разве это нормально?

– В самоубийстве вообще ничего нормального нет. Если, конечно, ты не японец, – заметил Миша.

– Да, но ведь они будто не просто умереть хотели, а как можно больше страданий перед смертью испытать!

– Согласен, нетипично. Но, с другой стороны, каждый самоубийца сам решает, как ему уйти из жизни. Может, кто-то подсознательно хочет себя наказать.

Белкин как-то потух. Даже пятна румянца выцвели.

– Вы отбиваете мои подачи точными ударами – не под-

копаешься. Все правильно, я так и знал, что не смогу вас убедить. Не умею я вот этого... – он помахал руками перед лицом, – говорить убедительно, мысли чтобы по полочкам. Вечно горячусь, глупости разные... – Он прервал себя, пособачьи мотнул головой и встал. – Только это правда, и продолжается долго, и будет, стало быть, продолжаться.

Не глядя на Михаила, потеряв к нему всякий интерес, Белкин пошел к двери. Мише, который дожидаться не мог, когда же он это сделает, почему-то стало неудобно, как будто он обидел этого ненормального.

– Послушайте, Анатолий Петрович! – окликнул он посетителя, хотя и не знал, что сказать.

Белкин был уже у двери. Услышав свое имя, он обернулся и сказал:

– Копосов Клим Константинович. Октябрьская, сорок. Квартира двадцать три. Две недели назад умер. Скоро следующий. А потом еще один. – Белкин криво улыбнулся – улыбка словно съехала набок, к уху. – Я вас предупредил. Теперь смерти будут не только на моей совести.

Проговорив это, он вышел – так же бочком, как и вошел, и аккуратно притворил за собой дверь.

То, что Белкин забыл (или намеренно оставил?) у него на столе свою папку с секретами, Миша заметил только на следующий день.

Глава третья

Жизнь Чака разделилась на две половины: светлую и темную. Первая длилась с того момента, как он уходил из дому, и до той минуты, когда возвращался. Стоило переступить порог квартиры, как наступала темная половина. Мир вокруг Чака погружался во мрак.

Прошлой ночью он не спал ни минуты. Стены и между квартирами в их доме тонюсенькие: слышно, как сосед кашляет и ворочается на скрипучем диване, а уж между его и Тасиной комнатами стенки и вовсе, можно сказать, нет.

У них ведь «двушка», и мать, когда дети подросли, пригласила рабочих, чтобы те разделили одну из комнат перегородкой на две части. Окно осталось в Тасиной половине, а у Чака – малюсенькая клетушка, куда помещаются только кровать, узкий письменный стол и навесные полки.

Но это ничего, он привык. А вот к тому, что за хлипкой перегородкой обитает сумасшедшая, у которой невесть что на уме, привыкнуть было невозможно.

Каждую ночь Чак слышал, как Тася меряет комнату шагами: развернуться особо негде, принадлежащее ей пространство немногим больше, чем у него самого, и она постоянно натывается то на кровать, то на шкаф, то на стол. Ударяется с силой, но это ее, по-видимому, не беспокоит, поскольку она разворачивается и шагает дальше.

Ходит без усталости, часами, а потом принимается бормотать. Говорит что-то быстро-быстро, слов не разобрать. Поначалу Чак пытался понять, что она говорит, но вскоре отказался от этой затеи.

Голос Таши был неровным: то понижался до баса, то становился скрипучим, почти старческим, то бряцал и звенел высокими нотами. Чак слушал, и ему казалось, что говорит не его сестра, а кто-то другой, незнакомый. Однако больше никого в соседней комнате не было.

Но самым ужасным было даже не еженощное хождение и бормотание, а смех. Время от времени сестра принималась хохотать. Сначала тихонечко, приглушенно – это было больше похоже на злорадное хихиканье, словно она сделала какую-то пакость, что-то подстроила, и теперь потирает ручки, злобно предвкушая чью-то реакцию.

Постепенно смех разгорался, как костер, становился громким, утробным, низким – прежде Тася никогда так не смеялась. От этого смеха кожа на всем теле покрывалась прыщиками, каждый волосок поднимался, а в желудке становилось холодно, как будто Чак проглотил кусок льда из морозилки.

Тася заходилась смехом, а Чак зажимал уши, чтобы ничего не слышать, накрывал голову подушкой, но все было бесполезно. Даже если звук удавалось приглушить, он же все равно знал, *как* тот звучит, и страх никуда не девался.

Радовало только то, что Чак когда-то (сам уже не помнил,

зачем) присобачил на дверь защелку. Ни от кого заператься не собирался и ни разу ею не воспользовался до последнего времени.

Теперь же, очутившись в своей каморке, Чак немедленно закрывался. Хотя замочек был так себе, хлипкий, да и дверь картонная, как и перегородка, но все же это была какая-никакая защита. Пускай даже просто моральная.

О том, чтобы спать подальше от сестры, на диване матери, когда та уходила на дежурство, Чак не думал: комната была проходная и, само собой, не имела никаких запоров и замков.

А вот когда мать ночевала дома, ему хотелось попроситься спать подле нее, на раскладном кресле или на полу. Но было неловко. Все же он взрослый человек, через несколько месяцев шестнадцать стукнет, боксом занимается. Как тут побежишь к мамочке жаловаться, что тебе спать страшно, что родной сестры боишься?

Чак подозревал, что и мать не спит, лежит с открытыми глазами и вслушивается в то, что происходит за стенкой. Ей, наверняка, тоже было не по себе и хотелось, чтобы Чак был рядом, вместе ведь все равно спокойнее, но она молчала, как и сын.

Они вообще старались не заговаривать о том, что Тася вытворяет ночами – точно так же, как называли то жуткое, изменившее сестру, безликим словом «Происшествие».

Чак уже и не помнил, когда в последний раз нормаль-

но высыпался. Если Тася затихала ненадолго, он забывался беспокойным сном, точнее, даже не спал, а дремал, слыша сквозь сон все, что происходило в соседней комнате.

Утром вставал разбитый, вялый, в голове висел серый плотный туман, сквозь который плохо соображалось. Глотал кофе, умывался ледяной водой, но все равно на уроках постоянно тянуло в сон, поэтому учиться он стал хуже. Впрочем, это Чака не слишком беспокоило: отличником он никогда не был, но и до двоек не скатывался и, конечно, не скажется. Крепкий середнячок: четверки и тройки. Учеба давалась ему легко, но прикладывать особые усилия, чтобы выбиться в ряды первых учеников, было лень.

Учителя и одноклассники замечали, что с ним что-то творится: заторможенность Чака, его замкнутость и погруженность в себя бросались в глаза. Все думали, что он, как и вся их семья, не может оправиться после Происшествия, что переживает за сестру. Педагоги из жалости завышали оценки и не слишком докучали вызовами к доске, а одноклассники бросали сочувственные взгляды.

Чак, конечно, и вправду переживал, но только вкладывал в это слово совсем другой смысл. И никому, даже лучшему другу Серому – Сереге Лопухову – не мог рассказать всей правды о том, что происходит.

Идти домой после школы не хотелось. Хорошо, если по расписанию была тренировка: тогда можно было пожить в нормальном мире, на светлой половине бытия, пару лишних

часов.

Чак прежде любил тренировки, восхищался тренером Иваном Игоревичем, готов был проводить в спортзале часы напролет. Сейчас ему там тоже нравилось: и ребята были хорошие, и Иван Игоревич все понимал, хотя в душу не лез. Но только все стало другим. Если вся жизнь изменилась, то и эта ее часть тоже не могла остаться прежней.

Не было больше азарта и чистой радости от побед. Да и поражения не были горькими. Мышцы не гудели, ноги не пружинили, жаркое пламя не бежало по венам. Все стало пресным, присыпанным пеплом, потому что в голове постоянно крутилось то, что стало с Тасей. Как Чак ни пытался воскресить в себе радость от занятий спортом, ничего не удавалось.

И все-таки в спортзале было хорошо – уж во всяком случае, куда лучше, чем дома. Будь его воля, он бы каждый день сюда приходил. Но нельзя. И по улицам мотаться с Серым нельзя тоже, потому что мама просила Чака сразу идти домой. Сама она допоздна пропадала на работе, часто трудясь в две смены – им нужны были деньги.

– Приглядывай за сестрой, – говорила мать, виновато глядя на сына и пытаясь улыбнуться. Он кивал. Они были словно два заговорщика, которые владели постыдной тайной и никому не могли поведать о том, что их связывало.

«Приглядывать» означало следить, чтобы Тася не ушла из дома, разогревать ей обед, заглядывать в комнату, преодолевая душный липкий страх, и произносить нарочито бодрым

тоном:

– Есть будешь?

Тася не отвечала и в последнее время почти никогда не ела приготовленное матерью, хотя та старалась готовить то, чем она вроде бы соглашалась питаться. Но и голодной сестра тем не менее не оставалась.

Возвращаясь домой, Чак обнаруживал на кухне следы вылазок: Тася выгребала из холодильника то, что могло удовлетворить ее нынешние вкусы. На столе в беспорядке валялись недоеденные куски сырого мяса и говяжьей печени, битые яйца, обглоданные куски сыра, стояли открытые банки с вареньем. А еще всюду, даже на полу, был сахар. Он противно хрустел под ногами, когда Чак начинал прибираться к приходу матери, чтобы лишний раз ее не расстраивать.

В тот день, вымотанный и уставший после бессонной ночи, Чак поднимался по лестнице. Неожиданно ему подумалось, что он не любит Тасю. Он любил ее прежнюю – милую и чудную, добрую и доверчивую. Но ту, какой она стала, он любить не мог, как ни пытался себя заставить.

У сестры отняли ее жизнь, и теперь Тася сама точно так же отнимала жизнь у Чака. Отвращение и страх – вот чувства, которые она в нем вызывала. Привязанности и любви места больше не было. Чаку было стыдно так думать, он гнал эти мысли, но они возвращались: пусть бы сестры не стало. Он не желал ей смерти, упаси Бог! Просто не стало бы и все.

Но когда Чак вошел в квартиру и обнаружил, что его ча-

нения услышаны и сестра исчезла, никакой радости ему это не доставило.

То, что в квартире пусто, он понял сразу, едва переступив порог. Комнаты молчали – молчали совершенно по-особому. Когда внутри есть люди, тишина дышит, в ней слышатся вибрации, как от натянутых струн.

Сейчас вибраций не было.

– Тася! – позвал Чак, зная, что ему не ответят.

Не разуваясь (мать убила бы, если б увидела!) прошел в комнату сестры, мимоходом оглядев гостиную – пусто. В кухне и ванной тоже никого не было. Куда она подевалась? А главное, как вышла, если Чак, уходя в школу, запер дверь на ключ?

Ответа на этот вопрос он так никогда и не узнал.

– Мам, Таси нет! – с места в карьер рванул он, набрав номер матери и услышав ее голос.

– Как так – нет?

– Я пришел, а дома никого. – И, предупреждая расспросы, проговорил: – Дверь я точно запираю. Сто процентов.

– Отпрошусь, приеду, – бросила мать и повесила трубку.

Спустя час они встретились во дворе, возле подъезда. Мать, бледная, вся какая-то встрепанная, как воробей под дождем, схватила сына за руку:

– Где искал?

Чак, который уже успел обежать соседние дворы и вернуться, ответил, что нигде не нашел Таси.

– На школьном дворе смотрел?

– Угу.

Где еще искать сестру, он понятия не имел. Они жили в обычном районе, уставленном пятиэтажными и девятиэтажными блочными домами. Ни парков, ни скверов, ни даже начатых и заброшенных строек – ничего такого.

– Подвалы, чердаки – нужно все осмотреть! – решила мать.

– Вдвоем? Мы так несколько дней будем лазать! Может, ментам позвонить?

Чаку не больше матери хотелось обращаться к стражам порядка, но что было делать?

– Они же только через три дня начинают пропавших искать, – с несчастным видом сказала мать. – Давай пока сами.

Чак не стал спорить. Мать зашла домой, оставила сумку, сменила туфли на кроссовки и снова спустилась во двор. Они разделились, договорившись встретиться дома через три часа.

Наматывали круги по дворам, говорили с дворниками, спускались в подвалы, где это было возможно, но все без толку. Таси нигде не было. Когда Чак вернулся домой в восьмом часу, мать уже была там и говорила по телефону. Он видел, что губы у нее трясутся, на лице проступил горячечный румянец, и вид такой, словно она вот-вот упадет в обморок.

«Тася умерла, – полоснула мысль. – Это я ее убил своими мыслями!»

Мать обернулась к нему, глядя невидящими глазами.

– Поехали на кладбище.

«Неужели ее уже похоронили?» – глупо подумал Чак.

– Твоя сестра там.

Глава четвертая

Пиво было свежим и холодным, шашлык из баранины – сочным и вкусным, но вечер все равно не задался.

Михаил с Ильей встречались каждую неделю, иногда и по несколько раз, и им всегда было, о чем поговорить. А если темы исчерпаны, то можно просто молчать: на то он и лучший друг, что не надо стараться поддерживать вежливую беседу. Молчишь – и все равно не испытываешь никакой неловкости.

Так было всегда, но только не в этот раз.

Пойти на набережную, поесть шашлык и попить пиво они договорились позавчера. Быстрорецк, как можно догадаться по названию города, стоял на реке Быстрая, которая протекала через город, деля его на две почти равные половины. Одна часть именовалась Старым городом (здесь был исторический центр, а историю свою город вел аж с двенадцатого века), вторая – Заречьем.

Центральная набережная со скамейками, кафе, сувенирными лавочками, прогулочными дорожками располагалась на стороне Старого города. Сейчас друзья сидели за маленьким столиком, а на противоположном берегу реки переливалось-перемигивалось вечерними огнями Заречье.

От воды тянуло прохладой. Быстрая, в черте города несущая свои воды медленно и степенно, была плотно зажата в

каменные берега. За пределами Быстрорецка река, словно узник, вырвавшийся из оков на свободу, разливалась широко и вольготно, ускоряла темп, словно желая наверстать упущенное и побыстрее добраться до моря, в которое впадала далеко на юге.

Миша был голоден, потому управился со своей порцией шашлыка быстро и подумывал взять еще. А Илья так и сидел над почти полной тарелкой, да и пиво потягивал вяло, как будто через силу. Разговор не клеился. Не успеет возникнуть какая-то тема, как тут же оказывается исчерпанной двумя-тремя предложениями.

– Ко мне сегодня чудик один приходил. – Миша сделал очередную попытку расшевелить друга. – Говорит, у нас в микрорайоне людей убивают, а никому дела нет.

– Из «ходовков»? – спросил Илья, уже знакомый с терминологией друга.

– Ага. – Михаил сделал глоток. – Хотя на вид так сразу не скажешь.

– По таким вообще редко что можно сказать. На лбу не написано.

Вот опять – здрасьте-пожалуйста. Сказал, как отрезал.

Миша отбросил вилку, которую вертел в руке, и посмотрел на Илью.

– Все, хорош. Что с тобой такое? Колись.

Илья слабо улыбнулся. Врать и секретничать между ними было не заведено. В душу друг к другу не лезли, да и нужды

не было: всегда, с детства делились самым важным, сокровенным, ничего один от другого не утаивали. Миша считал, что у него никого нет ближе Ильи – и тот, наверное, так же думал. Как пришли в первый класс, сели за одну парту, так и дружили до сих пор.

Они даже внешне были немного похожи: не как родные братья, конечно, но за двоюродных запросто сошли бы. Оба высокие, примерно одного роста (Илья на два сантиметра ниже), худощавые, русоволосые, кареглазые (только у Миши глаза цвета темного янтаря, а у Ильи почти черные, глубокие и серьезные).

А вот волосы, наоборот, у Миши были темнее, и стриг он их покороче: отчасти служба обязывала, отчасти тот факт, что стоило им отрасти чуть подлиннее, как они начинали виться. Черты лица у Ильи были более тонкие, правильные, а у Миши – крупные, четко очерченные. Их классная руководительница как-то сказала, что Миша похож на современного актера, а Илья – на поэта девятнадцатого века.

По характеру они тоже были разными, но это только сближало. В общем, задавая вопрос, Миша точно знал, что друг ответит честно, без увиливания. Он и ответил.

– Кажется, я влюбился.

Миша поперхнулся пивом и уставился на Илью. Влюбляться – это всегда было по Мишиной части. Он постоянно, еще с девятого класса, с кем-то встречался: легко сходиллся с девушками и столь же легко расходился, расставаясь без

сожаления и снова пускаясь на поиски приключений. Любви не было – только влюбленности и интрижки длительно-стью от месяца до четырех-пяти. Ни одна из многочисленных Мишиных пассий не сумела по-настоящему запасть ему в душу, и он уже начал потихоньку думать, что мачеха была права, когда в сердцах однажды бросила, что Михаил такой же вертопрах и ловелас, как отец.

Впрочем, насчет отца он не был так уверен. Но это отдельная тема.

Тот факт, что Миша с кем-то встречался, обычно никак не нарушало привычного хода его жизни, не поглощало его, не оказывало сколько-нибудь значимого воздействия. Но он всегда подозревал, что в случае с Ильей все будет иначе. Если какая-то девушка понравится ему, то завладеет им с потрохами, Илья погрузится в свои чувства с головой, безвылазно.

Похоже, так и случилось. Не успела эта девица возникнуть невесть откуда, как Илюха уже сам не свой.

– Как ее зовут? – спросил Миша, стараясь подавить стремительно растущие негативные эмоции, проснувшиеся в его душе по отношению к неведомой девушке.

– Настя, – ответил Илья, и щеки его слегка порозовели.

– Когда успели познакомиться? Вы встречаетесь?

Илья помедлил.

– На днях. Когда мы с тобой в прошлый раз виделись. Я у тебя на работе был.

Миша помнил, само собой. Три дня назад у него было точное дежурство, а Илья оказался вечером неподалеку и заглянул. Ничего себе, три дня назад познакомились, а он молчит! Миша ждал, что Илья сейчас примется рассказывать, как и что, но ошибся.

– Ладно, захочешь – расскажешь, – раздосадовано проговорил он.

– Слушай, я просто не могу в себе разобраться, – словно спохватившись, быстро заговорил Илья. – Она такая... удивительная. Не похожа на других девушек.

«Ну да, ну да!» – мелькнуло в голове у Миши, но вслух он, конечно, ничего не сказал.

– Очень открытая, немножко наивная. Я попросил у нее телефон, а она сказала, что не любит, не пользуется. Ей кажется, что по телефонным проводам утекает суть, разговоры становятся пустыми. Сказала, что для разговора обязательно нужно видеть глаза собеседника.

– Оригинально.

– Вот и я о том! Мы договорились увидеться в парке, вчера встречались.

«А мне ни слова не сказал!» – подумал Миша, злясь на себя самого: что еще за дурацкая ревность?

– Два часа пролетели, как минута. Мы говорили и говорили...

– Только говорили?

Илья одарил его сердитым взглядом.

– Она не такая, как другие. Я же сказал.

Миша вскинул ладони: извини, брат, не хотел.

– Когда снова увидите?

– Завтра. Сегодня она занята.

«Да, а то ты бы сломя голову побежал к ней, вместо того, чтобы торчать тут со мной».

Илья еще некоторое время рассказывал о достоинствах Насти, а потом они встали из-за стола: было уже поздно, обоим завтра на работу. Поскольку сегодня планировалось выпить, Миша оставил машину возле работы. А Илья был безлошадный: на права сдал, но автомобиль купить еще не успел.

Поэтому вызвали такси и, пока ехали – некоторое время им было по пути – продолжали разговаривать. Илья выглядел более оживленным, чем на набережной, но Михаила не покидало ощущение, что он просто старается, притворяется, чтобы не обижать друга, а на самом деле мысли его далеко. Возле Насти.

Когда он пришел домой, настроение еще больше ухудшилось. Не успел войти, как позвонил отец. Начало разговора было спокойным. Они всегда старались быть вежливыми, осторожничали, но в итоге все равно скатывались если не в ссору, то в недовольство друг другом.

– Я тебе уже звонил сегодня, ты не брал.

– Не слышал, прости. Мы с Ильей на набережной были.

Отец недовольно засопел.

– Ты не должен пить, потому что...

– Я только пару банок пива выпил. Заметь, *после* работы.

Не надо меня контролировать.

– Кто тебя контролирует! Но ты сам виноват! После того случая... Второй раз я...

– Может, хватит, а? Я же все-таки не человека убил.

– Еще бы убил!

Отец заводился, Михаил тоже. Сколько можно попрекать его и муссировать одно и то же?

– Зачем ты звонил? – как можно спокойнее спросил он.

– У Володи́на юбилей. Шестьдесят пять лет. Мы все приглашены.

Володин был крупный начальник в Исполкоме и отцовский друг и покровитель.

– Может, без меня как-нибудь? Сходите с Олесей и Лизой.

– Разумеется, Олеся идет. Лиза останется дома с няней, а вот ты должен пойти. Без разговоров. Тебе еще карьеру делать, которую ты едва не испортил своей выходкой!

Миша решил не спорить.

– Когда?

– В следующую субботу. Заедешь к нам, вместе поедем.

Отец со второй женой Олесей и семилетней дочерью от нового брака Лизой жил довольно далеко от Миши. А эта квартира была мамина – Михаил перебрался сюда, окончив школу, когда ему с отцом и мачехой стало все сложнее находить общий язык.

Миша повесил трубку и пошел в душ, чувствуя, что в виски начинает стучаться боль. В гостиной висела большая мамина фотография. Мама улыбалась и смотрела прямо на него. Мише казалось, что каждый раз она улыбается и смотрит по-разному: то чуть насмешливо, то ласково, а сегодня вот сочувственно.

Он нередко спрашивал себя, что было бы, если бы мама была жива? Что изменилось бы в нем самом? Был бы отец мягче к единственному сыну? Заводил бы любовниц, как сейчас заводит? Ответов не было и быть не могло.

В пятницу у Ласточкина закончились отгулы, которые он брал, чтобы съездить в деревню, и Миша вздохнул с облегчением. Все же вдвоем было легче, и ответственность пополам. То есть бóльшая часть, конечно, ложилась на Ласточкина.

Тот первым делом оглядел кабинет придирчивым взглядом, потом полил цветы и протер всюду пыль. По мнению Михаила, здесь и до этого было вполне чисто, но он не стал говорить об этом Ласточкину. Капитан спросил, что было без него, и Михаил рассказал, стараясь припомнить все подробности.

В какой-то момент взгляд его упал на толстую серую папку.

– Тебя тут еще один чудик спрашивал. Белкин. – Он приподнял папку и снова положил на стол. – Вот, оставил тут, забыл.

– Ничего он не забыл, – вздохнул Ласточкин. – Это он

нарочно. Хочет, чтобы ты прочитал. Я, когда он в первый раз пришел, даже повелся – убедительно говорит, хоть и псих. Почитал, что он притащил.

– А он правда псих?

Ласточкин поморщился. У него была занятная внешность: чрезвычайно кустистые брови и большие, навывах глаза, отчего он всегда казался одновременно нахмурившимся и удивленным.

– Собрать сведения обо всех, кто живет на его улице – это, по-твоему, нормально? И уж конечно, среди нескольких десятков сотен людей найдутся самоубийцы, а у всех суицидников всегда примерно одна схема: сначала все хорошо, потом плохо, потом... – Он почесал затылок. – Забей. В следующий раз придет – а он точно придет! – отдашь ему его сокровище и дело с концом.

Ласточкин говорил правильные слова – Миша и сам так думал, но все-таки что-то не давало покоя.

День катился по накатанной. Звонки, бумажки.

– Мне еще сегодня вечером к Голиковой идти, – вспомнил Миша.

– Сходи, конечно, а то достанет, – согласился Ласточкин. – Белкин – безобидный, а эта стерва будет жалобы строчить.

В подъезде Голиковой было тихо и безлюдно: никакой наглой молодежи, нарушающей общественный порядок. Миша позвонил в дверь к Голиковой: пусть видит, что он пришел.

– Нету их второй день, – заявила она. – Но у меня все их адреса имеются. Всех троих! Двое в нашем доме живут, а один – через два дома!

«Помнится, ты говорила, что целая толпа собирается!»

– Хорошо, давайте. Я схожу, поговорю.

Голикова сунула ему бумажку с адресом. Сверху Миша прочел: «Октябрьская, дом 40, кв. 31».

«Кажется, в том доме живет мужик, про которого Белкин говорил. Самоубийца. Как же его фамилия? Кротов, что ли?»

– На Октябрьской, в сороковом, вроде, недавно случай суицида был? – небрежно проговорил Миша, не то спрашивая, не то утверждая.

Голикова энергично кивнула:

– Клим Копосов, ага.

«Точно, не Кротов, а Копосов!»

– Ужас, просто ужас! Мать у него осталась. Такое несчастье.

– Вы не знаете, с чего это он?

Голикова возмущенно воззрилась на Мишу, будто он нес персональную ответственность за случившееся.

– Кто вас, молодежь, разберет? Живете на всем готовом. Ни голода, ни холода. С жиру беситесь. Работали бы с утра до вечера, некогда было бы о глупостях думать!

Поняв, что ничего полезного Голикова не скажет, а так и будет тарыхтеть про неудавшееся молодое поколение, Миша

поспешил откланяться, еще раз пообещав зайти к хулиганам.

Обещание он сдержал. Хулиганы оказались обычными мальчишками, а их родители — вполне интеллигентными людьми. Миша для порядка предостерег ребят, те сказали, что были в подъезде Голиковой всего пару раз, когда шел дождь, но, получив порцию воплей и угроз, спешно ретировались и больше туда не совались.

Навещать третьего фигуранта было не обязательно, можно сразу отправиться домой, но Михаил все же решил сходить в сороковой дом на Октябрьской улице.

Ему хотелось поговорить с матерью Копосова. Миша и сам не знал, что надеется услышать, но вся эта история с Белкиным и его подозрениями не давала покоя, зудела, как комариный укус, и он решил, что нужно повидаться с несчастной женщиной, чтобы просто убедиться в правоте Ласточкина и забыть о случившемся.

Глава пятая

С того дня, как Тасю нашли на кладбище, прошла неделя. И если прежде Чаку казалось, что живется им плохо, то теперь выяснилось, что раньше было еще ничего, терпеть можно.

А вот сейчас начался самый настоящий, непрекращающийся кошмар.

– Мне вон... это самое... посетители сказали. – Кладбищенский сторож кряхтел и поминутно откашливался. – Пришли, это самое, к своим на могилку, а там она! Это же надо! Ну, я сразу, это самое, ноль-два звонить!

Чак мог только догадываться, что должны были испытать люди, пришедшие проведать дорогих покойников и обнаружившие на соседней могиле голую, перемазанную землей девушку.

Могила была разрыта. Правда, до гроба Тася не добралась. Ее одежда, разорванная в клочья, валялась возле ограды; всюду были странные предметы: какие-то жженные тряпки, ремень, гребень для волос, сломанные наручные часы и множество предметов с других могил – искусственные цветы, фотографии, огарки тонких церковных свечей.

Что бы сестра ни творила на кладбище, но к тому моменту, как приехали Чак с матерью, все уже закончилось. Тася, босая, закутанная в одеяло и совершенно безучастная ко

всему, сидела на стуле в здании кладбищенской администрации. Как выяснилось, сестра четко и ясно назвала свое имя, продиктовала адрес и домашний телефон, поэтому матери и позвонили.

После долгих препирательств, материных слез и выяснений, их всех отпустили домой. Мать попыталась заставить дочь пойти в душ, смыть с себя кладбищенскую землю, но та проигнорировала ее просьбы, прошла к себе в комнату и улеглась в кровать.

– Устала, – сказала она. – Мне нужно поспать.

Она свернулась клубком, опасная и отвратительная, как сонная змея, и тут же заснула. Мать с Чаком вышли из комнаты, стараясь двигаться как можно тише, но вряд ли могли бы разбудить Тасю. Чем бы она ни занималась, это, очевидно, измотало сестру настолько, что прервать ее сон ничто не могло.

Придя на кухню, мать открыла стеклянный шкафчик и достала бутылку водки. Чак, вытаращив глаза, молча наблюдал за тем, как она резким движением, точно сворачивая чью-то шею, откупорила бутылку и налила водку в хрустальную тонконогую рюмку. Выпила, запрокинув голову, потом налила еще и присела к столу, напротив Чака.

Он никогда не видел, чтобы мать пила вот так, не во время праздничного застолья, одна, не закусывая и не запивая, даже не морщась. Она посмотрела на него стеклянными глазами, в которых плескалось отчаяние, и спросила:

– Ты понимаешь что-нибудь? За что нам все это?

Чак отвел взгляд.

– Что она могла там делать? Как вообще туда попала?

– Мам, – тихо позвал Чак, – может, нам ее в больницу положить?

Он думал, она возмутится, скажет, что не позволит, что Тася нормальная, и во всем виновато Происшествие, но мать вдруг как-то сжалась, потухла и проговорила:

– Отец ваш тоже был... – Она выпила вторую рюмку и договорила: – Не вполне здоровый.

Чаку показалось, будто он пропустил хук справа. Слова матери шарахнули молотом, и он не мог выговорить ни слова. Так и молчал, а она продолжала:

– Знаю, я вам говорила: он в аварию попал, когда ты только родился, а Таська совсем кроха была. Только никакая это была не авария. Думаешь, в кого она у нас такая... необычная? Настроение у него всегда скакало мячиком: то вверх, то вниз. То тормошит всех, хохочет, планы строит, а через минуту – слова не скажи: кричит, ногами топает, бросается на всех, как цепной пес. Депрессии у него знаешь, какие были? Сутками с кровати не вставал. Не ел, не пил, смотрел в одну точку. Художником был – вся квартира в его работах. Только вот пробиться никак не мог. Да и, если уж честно, я понимаю, почему. Картины-то его... – Мать посмотрела в окно, будто стараясь разглядеть что-то в темноте, подсвеченной фонарями и окнами домов. – Углы, овалы, фигу-

ры изломанные, лица без глаз. Я на них без дрожи смотреть не могла. И вот однажды ему выставку пообещали. Как он радовался! Говорил, что его заметили после стольких лет, и теперь все пойдет по-другому.

– А потом? – с трудом разлепив губы, спросил Чак.

Мать устало махнула рукой.

– Не было никакой выставки. Отменили. Не знаю, почему. Он пришел домой, а я как раз в садик за Тасей собиралась. Тебя одевала, с собой взять. Дверь открыл, вошел. Тихий такой. Я спрашиваю: «Ты чего так рано?» А он не сказал мне, это я потом узнала. Нужно, говорит, сделать кое-что срочное. Я и не подумала ничего. А вернулась... – Она зябко повела плечами. – Тут все вверх дном. Посреди комнаты – разрезанные холсты, рамы сломанные, гора бумаги – рисунки, наброски. Он все поджег, тлею уже. Опоздай я на десять минут, пожар был бы. А сам висит на крюке от люстры. Квартиру я спасти успела, отца вашего – нет.

– Так он повесился в этой самой квартире? В нашей квартире?

Чаку все еще казалось, что это вранье, розыгрыш. Одно дело – знать, что твой отец погиб в аварии, что виной всему слепой случай, и совсем другое – понимать, что он был самоубийцей.

– Так он, значит... – начал Чак, но мать перебила.

– Нет, диагноз ему не ставили. Но мы и не обращались никуда. А если бы обратились, кто знает. Тася так много взяла

от отца! Только она все равно другая, не было в ней никогда его отчаяния, горечи... То есть до Происшествия не было.

Чак хотел спросить еще что-нибудь, хотя и сам не знал, что в точности его интересовало. Просто важно было, услышав правду об отце, узнать еще какие-то детали. Но мать тяжело поднялась и сказала:

– Я спать. Ты положи себе поесть, если голодный.

Погладила его по голове, как ребенка, и вышла.

Тася проспала почти двое суток: всю ночь, следующий день и следующую ночь. Чак с матерью даже позволили себе понадеяться, что это шаг к выздоровлению.

– Организм восстанавливается, – твердила мать, прислушиваясь к Тасиному дыханию. – Может, ей нужна была эта встряска, чтобы вернуться к нормальной жизни?

Но Тася проснулась на следующий день еще более сумасшедшей, чем была.

Мать брала отгулы: страшно было оставлять спящую Тасю одну в квартире, пока Чак в школе. К тому же она могла пробудиться и испугаться: мало ли, говорила мама, может, она и не помнит, где была, почему заснула в таком виде.

Чак пришел из школы (тренировки в тот день не было) и увидел мать, сидящую в тесной прихожей на обувном ящике. Хотел спросить, чего это она тут уселась, но мать прижала ладони к лицу и сказала слова, которые Чак так и не смог забыть всю оставшуюся жизнь:

– Она проснулась. Но это не она. У меня больше нет до-

чери.

И уже очень скоро Чак с ней согласился.

– Где она? – почему-то шепотом спросил он.

Мать качнула головой в сторону ванны, встала и ушла в кухню. Чак пошел за ней. Идти нужно было по узкому коридорчику мимо двери в ванную. Чак прислушался – внутри было тихо.

«Что она там делает?» – подумал Чак, но додумать эту мысль не успел. Дверь распахнулась, едва не ударив его по лбу. От неожиданности Чак отпрянул назад, ударившись затылком о стену.

Сестра неувовимо-быстрым движением приблизилась к нему, прижалась почти вплотную. Светлые глаза ее, прежде кроткие, задумчивые, отливали расплавленным серебром и были пустые, холодные, как монеты, но при этом светились злой хитростью. Скулы заострились – о них, кажется, можно было порезаться. Мокрые темные волосы падали на лицо.

– А, вот и ты, маленькое ничтожество, – глубоким, вибрирующим, абсолютно не-Тасиным голосом проговорила она. – Где мотался тем вечером?

Чак открывал и закрывал рот, но оттуда не вылетало ни звука.

– Тася, ты не должна так говорить с братом! – тонким голосом проговорила мать.

Сестра быстро повернула голову (не повернула, а вывернула!) и прошипела:

– С тобой я тоже разберусь, мамуля. – Она снова перевела взгляд на Чака. – Нам всем будет чем заняться в ближайшие дни. Поверьте, скучать не придется.

Закутанная в синий махровый халат, Тася прошла мимо Чака, задев его плечом, и скрылась в комнате. Чак посмотрел на ее голые ноги, и какая-то мысль кольнула его, но он не понял, что именно его насторожило. Дошло лишь потом, когда он лежал в своей каморке, закрывшись на хлипкую задвижку, и глядел в потолок не смыкая глаз.

Халат открывал то, что прежде было скрыто: он стал короче, как будто Тася необъяснимым образом выросла сантиметров на десять за несколько дней.

«Не будь дураком, – приказал себе Чак. – Халат просто сел при стирке».

Но это, конечно же, было не так.

Мать ушла на работу рано утром, Чак вместе с ней. Ни он, ни она ночью не спали ни минуты. Тася не беспокоила их: вопреки ожиданиям, ночь не принесла новых потрясений. Но напряжение и страх окутывали Чака и его мать плотным облаком так, что было трудно дышать и хотелось вскочить с кровати и бежать куда глаза глядят.

Прежде безумие и тьма были внутри Таси. Теперь же они выплеснулись наружу, как кипящее молоко из кастрюльки, и затопили маленькую квартирку, не оставляя места ничему другому.

Домой Чак с матерью тоже вернулись вместе. Школа, тре-

нировка – а после он пошел к Серому и просидел у него до вечера. Если тот и удивился, что Чак не идет присматривать за сестрой, то ничего не сказал.

Чак пошел на автобусную остановку встретить мать. Ждать пришлось недолго. Увидев, как она выходит, Чак поспешил к ней. Лицо матери было растерянным и вместе с тем отрешенным. Она будто смотрела внутрь себя самой, не замечая ничего вокруг.

– Привет, мам.

– Ой, не заметила тебя. Ты был дома? – встрепелась она. – Тася...

– Нет, – Чак покачал головой, – я домой не ходил.

Мать хотела сказать что-то, но передумала. В квартиру они входили крадучись, как воры. Внутри гремела музыка – Чак предпочитал тяжелый рок, и это была одна из его любимых песен группы «Black Sabbath».

«Она рылась в моих вещах!» – промелькнуло в голове. Никогда прежде Тася себе такого не позволяла.

Ключ едва слышно повернулся в замке, дверь открылась без скрипа. Да и грохот музыки заглушал все остальные звуки. Но, тем не менее, стоило им оказаться в прихожей, как песня оборвалась на полуслове.

– Пришли, мышата? – Тася коротко, сухо хохотнула. – Заждалась.

Миг – и она выросла перед ними, бесшумно возникнув в дверном проеме.

Она была выше, чем раньше: теперь это было ясно видно, не к чему себя обманывать. На Тасе было синее платье в пол, которое она надевала на школьный выпускной, и которое теперь открывало ноги повыше лодыжек.

Сестра и прежде была худенькой, а теперь выглядела изможденной: костлявые руки, выпирающие ключицы, запавшие глаза. Синий цвет подчеркивал бледность кожи, но, самое главное – Тася была абсолютно лысой.

– Твои волосы, – прошептала мать. – Что ты... Зачем ты их остригла?

Тася усмехнулась и сжала виски пальцами.

– Их вытолкнуло из меня. Во мне сейчас столько всего... Лишнее ни к чему.

Так могла бы ответить и настоящая, *их*, Тася. Это было вполне в ее духе. Но тут сестра подошла ближе и склонила голову так, что теперь Чак с матерью смотрели на ее макушку.

– Видите?

Чак хотел спросить, что именно они должны были видеть, но уперся взглядом в голову Таси. Он слышал, как мать вскрикнула, но сам не издал ни звука. Просто стоял и смотрел. Череп был бугристым, шишковатым. Под белой тонкой кожей что-то пульсировало, как родничок младенца, перекачивалось, толкалось.

Тася выпрямилась и теперь снова смотрела на мать и брата.

– Я готовлю для вас сюрприз, мои дорогие. Честное слово, я теперь полна сюрпризов.

Она выбросила вперед руку, прикоснувшись к щеке Чака. Рука была холодной и влажной, как камень в реке. Он дернулся вбок, и Тася засмеялась, обнажив зубы и десны, как бешеная собака.

Зубы были кривыми и острыми, а десны почернели. Тася вдруг наклонилась к матери, словно желая поцеловать, но вместо этого высунула язык и лизнула ее щеку.

Мать дернулась назад и закричала, прижимая руки ко рту.

– Кричи, кричи, – проговорила Тася. – Это музыка для моих ушей.

Она развернулась и ушла в комнату. Скоро опять загрохотал рок, колотя по нервам и барабанным перепонкам.

– Боже мой, когда это все кончится? – едва слышно простонала мать.

Легко перекрикивая певцов, Тася глумливо пропела:

– Скоро-скоро! Совсем недолго потерпеть!

Глава шестая

Поднимаясь по лестнице к квартире Копосовых, Михаил чувствовал себя не в своей тарелке. Он понятия не имел, что станет говорить убитой горем матери, как объяснит свой интерес к случившемуся.

Да и потом, это был его первый опыт подобного разговора. В расследованиях он не участвовал, со свидетелями преступлений (если, конечно, не считать таковыми тех, кто жаловался на курящих в подъезде подростков!) не общался.

Мише было двадцать три года. В школе он учился хорошо, но никаких особых способностей и тяги к какой-либо области знаний не выказывал, так что, когда отец взялся за устройство его будущего своей железной рукой, особо не возражал.

Юрий Олегович был доктором юридических наук, много лет заведовал кафедрой гражданского права в Юридическом институте МВД России, а в последние годы был проректором. «Кабинетный» полковник, он носил погоны, хотя в полиции не служил ни дня, всю жизнь занимаясь преподаванием.

Без особого труда пристроив сына в институт, Юрий Олегович полагал, что Миша остепенится, станет ответственным и серьезным и, конечно же, пойдет по стопам отца: преподавание, научная работа, очень даже приличная зарплата с ре-

гулярными премиями, которую получали аттестованные сотрудники института, и которая росла по мере того, как увеличивались количество звезд на погонах и выслуга лет.

Поначалу все шло неплохо. У Миши появились приятели, учеба больших сложностей не вызывала, и отец был доволен. Но постепенно стало выясняться, что помимо лекций и семинаров, учеба в ведомственном вузе предполагает регулярную маршировку на плацу, беспрекословное выполнение приказов вышестоящих офицеров и преподавателей, учебные выезды по «тревоге» и дежурства, отказаться от которых невозможно.

Точнее сказать, выяснилось это быстро, но, пока это имело привкус новизны, Миша с любопытством ко всему приглядывался. А потом он – как тот мальчик из анекдота, которому родители не объяснили, что «вся эта бодяга в школе на десять лет», стал потихоньку сопротивляться. От попыток бросить учебу останавливала перспектива призыва в армию, и из-за этой «вилки», когда выбора особо не было, Мишина вольнолюбивая душа рвалась на свободу особенно яростно.

Оценки у него всегда были хорошие, но вот поведение... Как говорил отец, отношения с которым становились год от года все более напряженными, если бы не он, Мишу с треском выгнали бы из института.

После окончания института необходимо было отработать в органах пять лет – иначе пришлось бы компенсировать государству расходы на учебу. Миша к тому времени свyksя

с этим фактом, и у него даже возникло несколько романтическое желание стать следователем, но отец счел, что сыну будет лучше под его присмотром, и уговорил остаться на кафедре – работать и писать диссертацию.

А через полгода случилась та самая «выходка», которую отец до сих пор припоминал непутевому сыну.

У Ильи был день рождения, и они отметили с размахом. Утром, с трещающей от похмелья головой, Миша пришел на службу: вызвали на одно из многочисленных совещаний у генерала – ректора института.

Генерал был человеком в высшей степени тщеславным, лишенным зачатков чувства юмора и тем более самоиронии. Приветствовать его появление перед подчиненными полагалось стоя навытяжку. Он мог опоздать хоть на час (и часто делал это!), но все смирно сидели и ждали, не выказывая возмущения – тем более что в зале заседаний были камеры видеонаблюдения.

Был бы Миша в нормальном состоянии – сдержался бы, а тут появление коротконого напыщенного генерала, которому только короны не хватало, и приторно-сладкие лица подчиненных вызвали у него приступ гомерического хохота. Так и стоял – ржал, как конь и хлопал в ладоши.

Скандал был грандиозный. Из органов не выкинули только благодаря отцу, но из института пришлось уйти, о диссертации речи не шло. Однако влияния отца хватило на то, чтобы Мишу взяли на должность помощника участкового в од-

ном из районов Заречья – чаще всего должность эта никем не занята. Ласточкин оказался классным парнем, так что, положив руку на сердце, Мише тут нравилось куда больше, чем в институте, хотя перспективы, конечно, были намного скромнее.

– Инфантильный лоботряс! Сказочный идиот! – орал отец. – Отсидишь там четыре года, как миленький! Потом видно будет. Но я тебя предупреждаю: еще одна выходка – и ты мне не сын! Живи как хочешь!

Сейчас, направляясь к Копосовой, Михаил думал, что впервые в жизни делает что-то похожее на то, чему его учили пять лет: выясняет обстоятельства запутанного дела, расследует преступление.

Ерунда, конечно. Самодеятельность, как сказал бы отец. К тому же основано все на словах сумасшедшего «ходока». И тем не менее...

Миша подошел к двери, нажал на кнопку звонка и скроил строгую, но вместе с тем сочувствующую мину, которая, по его мнению, приличествовала данному случаю.

Дверь открыли довольно скоро. Перед Мишей стояла невысокая женщина в темном платье. Узкие губы накрашены алой помадой, на шее – коралловые бусы.

Она вонзила в Мишу ледяной взгляд и спросила:

– Вы по какому вопросу, молодой человек?

На скорбящую мать, образ которой нарисовал в своей голове Михаил, женщина похожа не была. Но, с другой сторо-

ны, она что, должна была с разбегу припасть к его груди и разразиться рыданиями?

– Помощник участкового уполномоченного лейтенант Матвеев, – представился Миша.

Копосова все так же смотрела на него немигающим взглядом.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов о смерти вашего сына. Вы ведь Копосова? – Имени и отчества женщины он не знал, и фраза получилась обрзанная.

Угол накрашенного рта дернулся и пополз вниз.

– О чем говорить? Все уже сказано.

– Да, конечно. – «Хватит мямлить! Ты полицейский или кто!» – Нам поступил сигнал, что это могло быть не самоубийство. Точнее, вашего сына могли вынудить совершить этот поступок. В деле есть невыясненные обстоятельства. Могу я войти?

Любая нормальная мать должна была встrepенуться при этих словах, но Копосова не потеряла самообладания.

– Конечно, вынудили. Я это и без ваших «невыясненных обстоятельств» знаю, – едко проговорила она, но, однако, посторонилась.

Квартира была похожа на музей: стерильная чистота, тишина, пахнет чем-то сухим – древними манускриптами и книгами; кругом картины, фарфоровые вещицы, а мебель то ли действительно старинная, то ли искусно выполненная под старину.

– Присаживайтесь. – Хозяйка царственным жестом указала на кресло с высокой спинкой. – Чай, кофе?

– Благодарю. Если можно, стакан воды, – подчеркнуто вежливо ответил Михаил.

Спустя минуту хозяйка принесла ему воды, а себе – чаю, и уселась в кресле напротив с чашкой в руках. Миша вспомнил, как вели себя в подобных случаях американские полицейские в сериалах и фильмах, и спросил:

– Что вы имели в виду, когда говорили, что вашего сына вынудили убить себя?

– Это вы сказали. А я подтвердила, – уточнила Копосова. – Виновата его жена. Я всегда была против этого скоропелого брака.

«Жена? Она-то тут с какого боку?»

– Клим подавал такие надежды! Учился в консерватории, ездил на фестивали, перед ним открывались блестящие возможности. – Впервые в голосе Копосовой прорезались живые нотки. – А она кто? Медсестричка! Воспользовалась его состоянием!

– Состоянием?

– Аппендицит! Он лежал в больнице. Романы между медработниками и пациентами – частое явление. Но разве обязательно было жениться? Заводить ребенка?

Копосова говорила все громче. Похоже, неудачный (с ее точки зрения) брак сына огорчал мать куда сильнее, чем его смерть.

– Я говорила, что добром это не кончится. Предупреждала, что ему станет с ней скучно, что придет время, когда он будет тяготиться этим союзом, и в итоге это сломает его жизнь! Так и вышло!

– Сколько они прожили?

– Четыре года. Клим стал делать аранжировки, выступал в сомнительных клубах, был ди-джем! – Женщина буквально выплюнула это слово. – А ведь его ждали лучшие концертные залы!

«Ди-джей Клим», – всплыло в памяти.

– Так это тот самый Клим?! – воскликнул Миша, не удержавшись. – Ваш сын – настоящая звезда, он же невероятно популярен... был.

Копосова болезненно скривилась.

– Его дешевая популярность меня никогда не интересовала. Если бы не эта свистушка, Клим стал бы настоящим музыкантом. При его данных!

– Скажите, в каких отношениях вы были с сыном? – спросил Михаил, чувствуя, что проникается неприязнью к сидящей перед ним женщине.

– До брака Клима все было хорошо. Он прислушивался к моему мнению, всегда был предупредителен.

«Ага, иными словами, ходил у тебя на помочах».

– Женитьба и рождение сына все изменили. Он стал... – Копосова поджала губы и глотнула чаю. – В общем, мы очень мало общались в последние три года. Перезванивались, ко-

нечно, иногда он приходил узнать, не надо ли чего. Приносил денег. Хотя я ни в чем не нуждаюсь, тем более в *таких* деньгах. – Она произнесла это так, будто сын был киллером или наркоторговцем. – Но потом у них с Марией начался разлад.

– Когда, не припомните?

– Отчего же, очень хорошо помню! – В голосе прозвучало торжество. – Клим навещал меня. Мы поговорили, и я снова упомянула о том, что он губит себя. Клим, как обычно, не желал слушать, стал возражать, дерзить, а в итоге ушел, хлопнув дверью, но! – Она воздела кверху украшенный массивным перстнем указательный палец. – Мои слова возымели действие!

– Каким образом?

– Он перестал выступать в этих заведениях. Отменил все, и я подумала, что это шаг к исцелению. Только было уже поздно. Тлетворное влияние этой женщины... – Копосова посмотрела вбок, отставив чашку. – Клим – музыкант, творческий человек. После того, как его талант попытались опошлить, коммерциализировать, он уже не мог найти себя! Что-то с ним происходило, я это видела. Он грубил мне, если я звонила, никогда не звонил сам. А за неделю до смерти Клим внезапно вернулся сюда, в эту квартиру. Жена выгнала его из дому, потому что у него появилась другая.

«И что же, ты была довольна?»

– Как вы отреагировали?

– А как я могла отреагировать? К тому все и шло. Я знала,

что этим кончится. Я его предупреждала.

– Вы знали ту женщину? Он вас познакомил с ней?

Копосова покачала головой.

– Клим мне ничего о ней не рассказывал. Знаю только, что виделись они почти каждый вечер.

– Скажите, ваш сын изменился после встречи с ней?

– Не думаю, что именно встреча его изменила. Это было, скорее, следствие, чем причина. Клим был в жизненном тупике... – Она неодобрительно посмотрела на Мишу. – Хотя вам этого не понять в силу возраста.

Михаил подумал, что кое-что знает о жизненных тупиках, но предпочел не распространяться на эту тему и вместо этого попросил рассказать о последнем дне жизни Клима.

– Утром он был дома, завтракать не стал и не выходил из своей комнаты. Ближе к пяти приехала Мария. Сказала, что ей нужно поговорить с мужем, и я ее пустила.

– О чем они говорили?

– Думаете, я стала бы подслушивать? – возмутилась Копосова.

«Уверен», – подумал Миша.

– Они говорили очень тихо. И недолго, около десяти минут. Когда Мария собралась уходить и открыла дверь, я слышала, как она сказала: «Я сделала все, что могла. Поступай как знаешь». Я проводила ее до дверей и сказала, что ей нечего надеяться на возвращение Клим, что она недостойна его. А она... – Копосова сжала рот в куриную гузку. –

Посмела обозвать меня ведьмой. И еще всякого наговорила. Хамка.

– А потом?

– Я выпила лекарство. Нервы, знаете ли.

«Значит, нервы все-таки есть».

– Потом ушла в магазин, в аптеку. Вернулась, постучалась к сыну. Спросила, будет ли он ужинать. Клим долго молчал, я уже хотела постучать еще раз. Но потом он ответил. Велел оставить его в покое.

Копосова вытащила ослепительно-белый кружевной носовой платочек. Неужели все-таки заплачет, удивился Миша, но она приложила платок к совершенно сухим глазам.

– Я была на кухне, но где-то через час услышала шум из комнаты Клим. Точнее, крик. Побежала, попыталась открыть дверь, но он, пока я была в магазине, придвинул к стене тяжелый дубовый комод, и отворить ее смогли только полицейские. Клим выколол себе глаза скрипичным смычком, а потом повесился.

Глава седьмая

По ночам по квартире ползли тени. Впервые Чак заметил их через пару ночей после того, как Тася, пробудившись, окончательно превратилась в кого-то другого.

Он, как обычно, не спал, просто лежал в кровати, запершись на задвижку в своей клетушке. Сверху, в перегородке, разделявшей комнату на его и Тасину половины, было небольшое окошко, поэтому, когда по улице изредка проезжали автомобили, свет фар всполохами пробегал по потолку. Фонари, окна домов тоже давали немного света, так что в комнате было не очень темно.

По двору проехала очередная машина. Чак перевел взгляд на потолок. Луч скользнул по нему и пропал, и в этот момент Чак увидел тени. Что-то черное, длинное, узкое, похожее на веревки, змеилось по потолку. Полосы сплетались в клубок, переползали то вправо, то влево.

Сначала Чак подумал, что это ветви дерева или нечто в этом роде. Вернее, попытался убедить себя, следя за «змеями» взглядом. Только не было это ни деревом, да и вообще ничем нормальным. С потолка полосы спускались на стены, стекали по ним как струи темной воды.

В комнатухе стало холодно. Чак подтянул одеяло до самого подбородка, но это не помогло. Казалось, что температура опустилась до минусовой отметки, причем произошло

это быстро, в считанные секунды. Черные щупальца извивались у стены совсем рядом.

«Они тянутся ко мне. Что будет, если они меня коснутся?» – почти спокойно подумал Чак, как будто не только тело его замерзло, но и все чувства тоже были заморожены.

Чак понимал, что ему нужно выбираться из комнаты, которая превратилась в ледяную тюрьму, но не мог пошевелиться. Он слышал, что люди, замерзая, не могут бороться с сонным оцепенением, а в итоге засыпают и умирают. Сейчас с ним происходило что-то подобное: веки, тяжелые, как железные шторы, опускались на глаза, двигаться не хотелось, и даже холод перестал беспокоить. Спать, спать...

Из комнаты Тази раздался вой – волчий, протяжный. Невозможно было поверить, что такие звуки может издавать человеческое существо. А следом – хохот. Лающий, безумный, пробирающий до костей.

Это вывело Чака из оцепенения, в которое он впал. Его словно подбросило в постели. Он откинул одеяло, трясаясь от жуткого холода, кое-как скатился с кровати и немеющими пальцами вцепился в задвижку, стараясь не смотреть на змееобразные щупальца, которые силились его коснуться.

Из последних сил дернул задвижку и, толкнув дверь, вывалился в коридор. Холод остался позади: Чак сразу же окунулся, нырнул в тепло. Он привалился к стене, но перед этим захлопнул дверь, чтобы оставить щупальца за спиной, хотя и понимал, что так просто отделаться от них не получится.

Чак с трудом переводил дыхание, пытаясь прийти в себя.
«Мама!» – сверкнуло в голове.

Оттолкнувшись от стены, он сделал несколько шагов и очутился в комнате, где спала мать. Здесь было светлее, чем у него, и Чак ясно видел сплетающийся и расплетающийся змеиный клубок, черные лианы, струящиеся по потолку, сползающие по стенам буквально в метре от матери, которая лежала, укутавшись с головой. Спала или оцепенела, как и он сам? Здесь тоже было холодно, как в колодце с ледяной водой.

– Мама! – выкрикнул Чак и машинально, не задумываясь, щелкнул выключателем.

Зажегся свет, черные тени сгинули. Обычная комната, знакомые вещи на привычных местах. Холод тоже пропал – растаял, как льдина в жару.

Чак бросился к матери. Хотел потрясти ее за плечо, разбудить, но она выпростала руки из-под одеяла, повернула голову, села.

– Я не спала, я... Что это было? – хрипло спросила мама. – Я так замерзла, пошевелиться не могла.

– Тут было... Я их видел! – сбивчиво заговорил Чак. – Тени, как щупальца. На потолке, на стенах! Ты ничего не видела?

Мать молчала.

– погоди. Я тебе покажу.

Он не был уверен, сработает ли, ему и самому уже каза-

лось, что все могло присниться, привидеться. Чак подошел к выключателю и снова погрузил комнату во тьму.

Вновь заструился холод, тени вернулись: по потолку размазались черные кляксы. Мать испуганно вскрикнула, и Чак понял, что она тоже их видит. Он поспешно зажег свет.

Они смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Потом взгляд матери метнулся куда-то вбок, глаза расширились. Чак, не успев задуматься, в два прыжка оказался возле ее дивана и обернулся.

Тася стояла возле стены у входа в комнату. Угловатая, костлявая, скособоченная фигура в темно-синей ночной рубашке-балахоне.

– Испугались, мышата? Страшно вам? – Лицо задергалось в ухмылке, обнажающей зубы и черные десны.

Чак плюхнулся на диван, безотчетно придвинувшись к матери, ища у нее защиты. Она обняла его, желая заслонить собой.

– Что тебе нужно? – дрожащим голосом спросила мама. Долговязая фигура вскинула руки, словно балерина, и принялась поворачиваться на месте, кружась в гротескном подобии танца, напевая что-то. Потом остановилась и стала нагибаться назад, словно собираясь встать на «мостик». Почти коснувшись лысым черепом пола, она поглядела на мать и брата, вывернув голову под таким углом, что шея едва не сломалась, и прохрипела:

– Тьма! Тьма идет за вами!

Проговорив это, Тася снова разогнулась и сказала уже другим, более высоким голосом:

– Узнаете, скоро узнаете! – А после, наконец, убралась к себе.

Чак чувствовал, что мать трясет – не от холода, температура в комнате была уже нормальной, а от страха. Он и сам не мог поверить, что все это в самом деле происходит с ними.

Конечно же, никто из них не спал. Так и просидели до утра, не выключая свет, не решаясь выговорить ни слова.

Все последующие ночи они спали по очереди, при свете ночника. Чак, который и подумать не мог о том, чтобы снова оказаться ночью в своей комнатенке, перебрался спать в «залу», как иногда говорила мама. Постелил себе в кресле, но, хотя чувствовал себя немного спокойнее рядом с матерью, все равно был в постоянном напряжении.

Договорились дежурить по четыре часа, но мать постоянно давала ему поспать подольше, говорила, что у нее все равно бессонница. Чак сердился, просил не жалеть его, но все было без толку.

Ночник освещал комнату не полностью, так что по углам клубились змееобразные тени, к которым они уже стали привыкать (если к такому, конечно, вообще можно привыкнуть).

Тася, которая сама была похожа на змею, впадшую в анабиоз, из комнаты почти не выходила. Ничего не ела, лишь изредка то принималась выть, то смеялась, то неразборчиво бормотала. Кажется, даже не на русском языке. Ни мать,

ни Чак не обращались к ней, не звали ужинать или обедать. Мать утром оставляла в ее комнате еду, а вечером забирала нетронутые тарелки.

Сестра усыхала, становясь похожей на мумию, губы ее истончались, нос заострялся, но слабой она не выглядела. Наоборот, казалось, тело ее наливается особенной силой. Запавшие глаза, обведенные черными кругами, полыхали серебряным светом.

Через несколько дней, когда они с матерью вернулись домой (Чак заехал за ней на работу), возле подъезда их встретила соседка с первого этажа.

– Уйми свою дочь! Все из-за нее! – накинулась она на мать.

– Что случилось? О чем ты? – С Кларой они никогда не ладили, но открыто не конфликтовали.

– Таська ваша совсем ку-ку! Выперлась на балкон, увидела мою Леночку и давай на нее! – Клара всплеснула руками, набрала побольше воздуха и снова бросилась в бой. – Урода, говорит, родишь. Знаешь, говорит, кто у тебя в брюхе? Сколько рук у него, а ног? Отродье твое, говорит, и на человека не похоже! Саму тебя заживо жрет! Это же надо беременной такое говорить! Ей рожать через два месяца! Девочка домой еле живая пришла!

Клара продолжала разоряться в том же духе. Мать стояла бледная, поникшая, хотя обычно за словом в карман не лезла. У Чака внутри все сжалось.

– Чего разоралась? – грубо бросил он, и Клара от неожиданности замолчала. – Мать чем виновата? Она на работе была.

– Ваша Таська всегда была чокнутая! Все видели!

– А чего тогда ее слушать, если чокнутая? – Чак схватил мать за руку и потащил за собой. – Все, хорош базлать!

Они с матерью скрылись в подъезде. Мать так ничего и не сказала, и Чака не одернула, хотя прежде не позволяла ему говорить в таком тоне.

Уже когда они оказались перед дверью квартиры, мама шепотом спросила:

– Зачем она это делала? Говорила это Лене? Если бы моей дочери такое кто-то сказал, я бы тоже психовала.

Чак ничего не ответил. А что отвечать?

Они вошли в квартиру. Пахло сыростью, мокрой штукатуркой, стоячей водой.

«Нас затопило?» – подумал Чак.

Следов воды не было, пол был сухим. Мать заглянула в ванну, на кухню.

– Все нормально, – негромко проговорила она.

Чак прошел в большую комнату. Тут тоже было сухо, но запах сырости усилился.

«Это у Таси», – понял он.

– Посмотри! – воскликнула мать, и Чак увидел, что она показывает пальцем на угол комнаты, возле балкона.

Стена и потолок были заляпаны безобразными черными

пятнами, похожими на плесень. Еще утром ничего подобного не было – обычная побелка и обои в бледно-голубых и золотисто-желтых цветочных узорах, которые очень нравились матери.

– Не понимаю, как это...

Мать говорила что-то, но Чак, не слушая ее, направился в комнату Таси. Открыл дверь и заглянул внутрь. Царил полумрак, но все равно видно было, что здесь картина еще хуже. Черные сырые разводы, мерзкая вонь, как от замоченного в тазу и позабытого, сгнившего белья.

Чак двинулся дальше. Когда подошедшая сзади мать вдруг взяла его за руку, он с трудом сдержал вопль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.